

ВОРЫ

ФАНТАСТИКА

Н Вадим Михальчук

ормальные люди, ложась спать, закрывают глаза. Мы просто отключаем биорадар. Для постороннего взгляда это выглядит так, как будто мы снимаем темные очки. В этот момент серый мир, наполненный блеклыми расплывчатыми фигурами людей и резкими темными гранями неодушевленных предметов, уступает место темноте. Там никогда не бывает света.

Когда я говорю «мы», я имею в виду тех, кто не может видеть. Те, кто родились незрячими, — это Незнающие. Те, кто потерял зрение из-за какого-нибудь страшного несчастного случая, — Утратившие. Мы избегаем слова «слепые». Мы не слепые, а незрячие: мы видим, но не так, как остальные люди.

Биорадар — это устройство, позволяющее незрячим видеть. Внешняя часть биорадара напоминает обычные темные очки. Как и у всякого электронного прибора, в этих «очках» есть элемент питания, устройство ввода и обработки информации, а также передачи информации носителю биорадара. Устройство ввода — это видеообъективы с большой разрешающей способностью; обработкой информации занимается микрокомпьютер, а устройство передачи — это тонкий (не толще суровой нити) кабель-переходник, подключенный к биоплазматическому разъему, который передает нейронные импульсы на участки коры головного мозга, отвечающие за зрение.

После имплантации в мозг биоплазматический разъем растет вместе со своим хозяином: рост живых тканей стимулирует рост тканей «неживых». Микрокомпьютер следит за изменениями в теле хозяина и отдает соответствующие команды искусственным клеткам разъема. Благодаря этому внутреннюю часть биорадара можно имплантировать человеку уже в пятилетнем возрасте, хотя немало времени уходит на настройку правильной работы микропроцессора, после чего пациент может видеть.

Видеть... В этом слове для многих из нас больше горечи, чем радости. Любой, кто смотрит на мир через линзы биорадара, видит окружающий мир в размытых черно-белых тонах. Глазные мышцы, с помощью которых биорадар наводится на предмет, отвыкли от работы. За долю секунды может произойти скачок резкости — от мутно-белого тумана до четких очертаний отдаленных предметов. Даже совершенство нанотехнологий не дает незрячим возможности различать цвета и мелкие детали. Как бы ни старались наноинженеры заставить имплантанты работать нормально, они не в состоянии создать такой искусственный орган зрения, который смог хотя бы приблизиться по своим возможностям к человеческому глазу.

Мы не видим черт лица человека, стоящего от нас на расстоянии вытянутой руки. Мы видим только крупный шрифт, тогда как мелкие буквы сливаются для нас в серые полосы. Мы отличаем свет от тени, можем ходить по улицам, не наталкиваясь на людей, не нуждаемся в палочках, но не знаем, как окрашен привычный вам мир. Хуже всего тем, кто потерял зрение в зрелом возрасте: они помнят, что такое цвет и красота; родившиеся незрячими не знают об этом. Вернее, не знали, но об этом потом.

Старики говорят, что благодаря биорадарам мы отбросили белые трости, но сохранили темные очки. Еще говорят, что нам подарили сумерки вместо темноты. Утратившие ворчат (дескать, лучше бы вообще не видеть, чем видеть так!), но я не знаю ни одного Утратившего, кто все-таки отказался от биорадара.

А вот у Незнающих нет таких проблем. Для нас способность «видеть» — уже сам по себе незаменимый дар. Что мы помнили с детства? Только голоса и тьму, заботливые руки мам и пап, оберегавших нас, когда мы пытались на ощупь узнать мир. Еще: боль от ударов о невидимое, об острые углы, из которых, как нам казалось, и состоял наш мир. И потому, когда потом, после имплантации, на наших «черных экранах» стали появляться первые «картинки», мы восторженно замирали и пытались схватить свет руками.

Художник Е. Станикова

Мы продолжаем печатать рассказы победителей конкурса фантастики «Химии и жизни», который проходил в интернете, на сайте «Самиздат» при Электронной библиотеке Максима Мошкова (<http://zhurnal.lib.ru>). Второе место занял Вадим Михальчук с рассказом «Воры». Вадим родился в 1976 году в Херсоне, закончил кораблестроительный институт, по специальности инженер-программист. Два его фантастических рассказа были напечатаны в кировоградском журнале «Порог». В «Химии и жизни» публикуется впервые.

После «нарезки» (так мы грубовато-иронично называем имплантацию) Незрячим лучше всего жить в специализированных интернатах. В одном из таких, в Грин-Вэлли, жил и я.

Мои родители много времени проводили в экспедициях. Археологи, специалисты по майя, ацтекам и инкам, они — настоящие фанатики науки. И хотя условия у нас были такими, что родители могли приезжать в интернат и жить с ребенком в любое удобное для них время, это складывалось редко. Сначала, конечно, я очень скучал, но потом как-то привык. Этому способствовал персонал интерната — воспитатели и учителя. Замечательные люди! В общем, вполне устоявшийся мир, где все знакомо, мир, живущий по своим правилам. Но однажды, когда мне исполнилось четырнадцать, наш мир изменился благодаря одному человеку — Максимилиану Роевскому.

Роевский был эспером — человеком с паранормальными способностями, телепатом, то есть более зрячим, чем другие: он видел не только людей — он видел их сознание, слышал их мысли, понимал истинную сущность человека. Я хорошо помню первую встречу с ним.

В класс вошел наш учитель истории Витек Алозиус — святой Алозиус, как его звали за любовь к крестовым походам и традициям рыцарства. Мы узнали его шаги: все-таки мы живем больше слухом, чем искусственным зрением (слух почти у всех нас отменный, многие становятся профессиональными музыкантами).

Вслед за Алозиусом появился высокий худощавый мужчина — его силуэт вырисовался на фоне светлого пятна открывшейся двери. Мы не видели его лица — впрочем, как всегда: я уже говорил, что лица людей выглядят для нас в лучшем случае, будто маски.

— Добрый день, класс! — поздоровался Алозиус. — Разрешите представить вам нашего нового психолога, мистера Максимилиана Роевского.

Мы с интересом повернулись к двери — новый человек у нас редкость. И тут я услышал тихий голос, внезапно возникший у меня в голове: «Добрый день».

Несколько моих друзей удивленно завертели на стульях, пытаясь понять, откуда доносится этот голос.

«Не пугайтесь, — беззвучно прозвучало далее, и показалось, что обладатель голоса улыбается, — я просто хотел проверить, насколько вы чувствительны к телепатическому общению. Пусть те, кто слышит меня, поднимет руку».

Опять же несколько рук, каких-то нерешительных. Среди них и моя рука. Остальные ребята смотрели на нас с недоумением.

— Те, кто поднял руки, пожалуйста, выйдите со мной на минутку из класса, — сказал Максимилиан уже вслух. — Всем остальным — большое спасибо, приятно было познакомиться.

Семь человек — Джимми Дикс, Сюзанна Леман, Николас Китон, Мэттью Руттери, Крис Пулен, Мелисса Картер и я — подхватили свои ранцы и вышли вслед за этим странным сутулящимся человеком.

— Ну хоть на сегодня избавились от гуннов! — прококал Мэтт Руттери, забрасывая за спину рюкзак.

— Не думаю, что вам настолько повезло, — так же тихо, как говорил в классе, откликнулся Максимилиан Роевский уже посреди холла на втором этаже. — Я не отниму у вас слишком много времени, которое сейчас принадлежит истории древних веков.

— Черт! — прошептал Дикс.

— Да, невезуха, — согласился Китон.

— Извините, мистер Роевский, вы — эспер? — как всегда вежливо, спросила Сюзанна Леман.

Мы, семеро, стояли так близко друг от друга, что соприкасались плечами.

— Да, мисс Леман, я эспер. Простите, что не сказал об этом сразу.

— И что это за дела с телепатами? — начал Крис недовольно. — Я вроде бы читал, что эсперам запрещается напрямую общаться с нетелепатами, поскольку это противоречит кодексу эсперов.

— Да, это так: мы не имеем права вмешиваться в мысли других людей. Но вы — именно вы — не обычные люди. Вы способны воспринимать направленные телепаты на одном из начальных уровней. Вот доказательство: вы только что прошли тест на выявление способностей эсперов.

— Ничего себе! — выдохнул Мэтт.

— И что теперь? — спросила Сюзанна.

— Это самый главный вопрос, мисс Леман. — Мы почувствовали, что Роевский улыбается. — Я отвечу на него, и все вы вернетесь в класс мистера Алозиуса, чтобы продолжить знакомство с гуннами.

— Ого, — усмехнулся Мэтт, толкая меня локтем, — у тебя нет такого чувства, будто кто-то читает твои мысли, приятель?

Я тоже усмехнулся, но промолчал.

— Так вот, — спокойно продолжил Роевский, — месяц назад я обратился к руководству Эспер-лиги с просьбой направить меня в один из интернатов для незрячих. (Замечу, нам понравилось, что он не сказал — для слепых.) Я хочу проверить одну мою теорию. А именно: незрячие обладают телепатическим даром гораздо в большей степени, чем обычные люди. Некоторые мои коллеги называют это «компенсацией».

— Теория Дмитриева, — тихо проговорила Сюзанна.

— Вы знакомы с его работами, мисс Леман? — удивленно спросил Роевский и тут же заметно смутился: — Простите.

— Да ничего, — ответила Сюзанна, и всем нам стало понятно, что этот, как нам смутно виделось, сутулый и худой Роевский понравился ей.

— Так вот, мой сегодняшний тест оказался на редкость удачным, — все так же смущенно заговорил Максимилиан. — Среди двадцати трех человек в классе оказалось семь потенциальных кандидатов в эсперы. Я общался с классом на довольно узкой телепатической волне, так что среди ваших одноклассников наверняка еще есть люди, обладающие даром эспера, и наша группа со временем будет расти.

— Группа, мистер Роевский? — спросила Мелисса, и я, как всегда, когда она говорила, затаил дыхание.

Сказать, что Мелисса Картер очень нравилась мне, значит не сказать ничего: я был от нее без ума, только это скрывал — мне казалось, что я не нравлюсь ей.

— Мисс Картер, моя задача состоит в том, чтобы обучить группу потенциальных кандидатов из числа незрячих одному из профессиональных приемов эспера: получению ментальной проекции.

— Нельзя ли попроще, мистер психолог, — проворчал вечно всем недовольный Крис. Ну, он всегда чем-то недоволен, характерец у него мерзкий.

— Я хочу, чтобы вы смогли смотреть на мир глазами другого человека, — мягко сказал Роевский.

Мы застыли.

Первым, как всегда, среагировал Мэтт — он вообще здорово соображает, быстро и четко, не то что я — вечно мнусь и не могу найти нужных слов.

— Простите, сэръ... — начал было Мэтт.

— Я понимаю, что вы хотели сказать, мистер Руттери. Вторжение в чужую психику запрещено законами Конфедерации и кодексом чести Эспер-лиги. Нам запрещено вторгаться в сознание людей и использовать полученную информацию в собственных целях или же своими действиями причинять какой-либо вред. Я знаю законы, и, более того, я знаю себя: каждый раз, когда я вторгаюсь в сознание другого человека, я чувствую себя преступником, пробравшимся в чужой дом.

— Но вы же читаете мои мысли! — воскликнул Мэтт.

— Ваши мысли, мистер Руттери, — улыбнулся Роевский, — как бы это выразиться...

— Лежат на поверхности, — подсказал Китон.

— Выпрыгивают, как дельфины из океана, на поверхность твоего убогого умишки, — хохотнул Джимми и поспешно шагнул назад, спасаясь от возмездия товарища.

— Прибереги свое красноречие для истории, Дикс, мартышка ты этакая! — проворчал Мэтт.

— Мистер Руттери, ваши мысли были обращены прямо ко мне, и я никоим образом не вторгался в ваше сознание, — уточнил Роевский, на что Мэтт ответил:

— Мистер Роевский, я все понял: вы слышали мысли так, будто я проорал их в мегафон.

— Ну, что-то в этом роде.

— И еще, мистер Роевский, — не останавливался Мэтт (иногда его действительно невозможно остановить), — мистером Руттери меня называет только наш директор, когда я пропускаю парочку уроков, а так обычно все зовут меня Мэтт.

— Хорошо, Мэтт, — улыбнулся Роевский, — я думаю, что ты и все остальные могут звать меня Максом.

— Договорились, — пискнул из-за широкой спины Ника Китона Джимми Дикс.

— Господи, — сказала Сюзанна с интонацией английской королевы, утомившейся после вечернего бала, — вас, парней, всегда нужно ставить на место. Мистер Роевский...

— Макс, — сказал Роевский примирительно.

— Макс, — невольно улынувшись, повторила Сюзанна, — собиравшись сказать нам очень важное, а тебя, Руттери, и тебя, Дикс, словно за язык кто-то постоянно дергает!

— Ох, простите, ваше величество, — не остался в долгу Мэтт.

— Хорошо, слушайте, — спокойно начал Макс, и теперь его никто не перебивал. — Эсперы могут проникать в чужое сознание и, образно говоря, видеть мир глазами дру-

ФАНТАСТИКА

гого человека. Эперы могут слышать и чувствовать то, что слышит и ощущает другой человек. Со зрением дело обстоит проще: всё, что видит обычный человек, лежит на самой поверхности его сознания — это как бы экран, на который постоянно проецируется картинка внешнего мира. Со слухом, обонянием и прочим сложнее: эти ощущения лежат более глубоко, в подсознании человека.

— У нас, наверно, слух занимает первое место, — сказала Мелисса, и я почувствовал прилив нежности из-за того, что она думает так же, как и я.

— Ты права, Мелисса, — ответил Роевский и продолжал говорить что-то еще, но я не слышал его — я повторял про себя: «Мелисса, Мелисса, Мелисса!»

— Земля вызывает Майкла, — тихо проворчал Мэтт. — Проснись!

Его острый локоть толкнул меня в левый бок, и я вернулся в холл второго этажа.

— Мне удалось убедить руководство Эспер-лиги, чтобы мне дали возможность поработать здесь, в Грин-Вэлли, в должности психолога, а ваш директор разрешил создать группу из пяти-семи человек для обучения. Как я уже говорил, сканирование сознания другого человека для восприятия его зрительных образов — это не серьезное правонарушение. В ближайшее время Эспер-лига предоставит на рассмотрение Совета Конфедерации проект о поправке к кодексу эсперов, чтобы незрячие эсперы могли видеть то же, что и остальные люди.

Мы стояли как вкопанные — каждый по-своему растерянный и по-своему восхищенный. Видеть, видеть, и именно так, как все остальные! Видеть небо!.. Помню, моя мама говорила своей подруге, когда мы гуляли вокруг интерната, что нет ничего прекраснее неба Мексики зимой, сразу после восхода солнца. Как же я им тогда завидовал!.. А сейчас я подумал, что до сих пор не знаю, какого цвета глаза Мелиссы, до сих пор не знаю, какие у нее губы, какое у нее лицо.

— Макс, — спросил я, наконец сглотнув комок в горле, — а почему эсперы только теперь подумали об этом? — Он молчал, и я нерешительно продолжил: — Ведь Лига существует уже семьдесят лет.

Я понимал — сейчас все смотрят на Макса. Ведь можно догадаться, что чувствует обычный человек, когда на него смотрят незрячие: он видит бледные, сосредоточенные лица со сжатыми губами, матово-черные линзы биорадара из ударопрочной сверхлегкой пластмассы и нервничает, нервничает потому, что люди привыкли видеть глаза тех, с кем они говорят.

— Моя дочь потеряла зрение два месяца назад, Майкл. — Кто-то из девчонок едва слышно охнул за моей спиной. — К сожалению, она не эспер, и я могу помочь ей только тем, что всегда, когда нахожусь рядом, передаю ей все, что вижу

сам. Может быть, со временем она сможет стать эспером, но, насколько я знаю, все вы — Незнающие, а среди Утраченных эсперы почти не встречаются.

— Простите меня, Макс, — прошептал я, сгорая от стыда.

— Ты здесь ни при чем, Майкл. Твой вопрос, по сути, правильный. Мы, эсперы, помогали тысячам больных людей, помогали им стать здоровыми, облегчали страдания и боль, лечили психические заболевания, которые еще сто лет назад были неизлечимыми, и не замечали, что можем помочь и вам — научить вас тому, чем нас наградила природа. Это мы должны просить у вас прощения.

— У меня есть один вопрос, Макс. — Мэтт решительно вышел вперед.

— Да, Мэтт?

— Когда мы сможем начать?..

Обучение было трудным. Невозможно описать, каково это: настроиться на телепатическую волну, почувствовать то, что нельзя почувствовать, ощутить то, чего никогда в жизни не ощущал. Это походило на тот момент, когда мы впервые что-то увидели благодаря биорадару — когда пытались ухватить свет рукой.

Помню, как Макс говорил: «Вы должны отключить всё, что отвлекает вас. Вы должны не обращать внимания на посторонние шумы и запахи. Все, что есть в данный момент, — это вы и ваше сознание. Вы должны почувствовать сознание другого человека, попытаться стать с ним одним целым».

У нас ничего не получалось. Часами, пока позволяло время, мы сидели в кабинете Макса и пытались заставить наши мозги работать. Нам нужны были навыки, но их не было. Макс терпеливо учил нас, передавал свой опыт, но у нас не хватало сил. «Восприятие посторонних зрительных образов, — учил Макс, — это прием, который под силу эсперам высокого уровня, потратившим на собственное совершенствование годы упорных тренировок. Но вы не должны отчаиваться, вы способны на большее. Давайте попробуем еще раз». И мы пробовали, снова и снова...

Я до сих пор отчетливо помню тихий голос Макса: «Чужое сознание для меня всегда выглядит как движение света в воде. Я смотрю на человека своим внутренним зрением и сначала вижу черную фигуру, похожую на манекен. Потом вижу сияние вокруг черного контура, чистое светлое сияние. Это как видеть ночью звезды на черном небе или как, нырнув в глубину, видеть песок на дне реки. Это сияние и есть сознание. Его можно коснуться рукой, нужно только очень хотеть. Шаг за шагом ты приближаешься к другому сознанию, ни на миг не теряя контроля над реальностью. Будто взбираешься на высокую гору: чувствуешь каждый камень, каждый острый выступ и одновременно видишь перед собой главную цель — вершину».

Так говорил Макс. Мы старались, но тогда наши мечты не сбылись.

Совет Конфедерации не принял поправки к законам о деятельности эсперов. Эспер-лига отозвала Макса, нашу группу распустили, и уже впоследствии нам самим пришлось освоить то, чему так старался научить нас Макс.

А тогда он прочитал нам письмо, полученное им из комитета по правовой защите Эспер-лиги:

— «Господин Роевский, к сожалению, попытки руководства Эспер-лиги, в частности профессоров Дмитриева и Лежински, а также наших лучших юристов — Леблана и Кейта, убедить представителей Совета Конфедерации в целе-

сообразности продолжения вашей деятельности в Грин-Вэлли ни к чему не привели. Совет практически единогласно отверг наше предложение, мотивируя свой запрет тем, что мы вторгаемся в психику несовершеннолетних, являющихся к тому же инвалидами».

Мэтт тихо выругался, Крис, наш вечный угрюмый Пулен, поддержал его:

— Это подлость, так говорить о нас!

Макс продолжил:

— «К тому же, господин Роевский, мы вынуждены признать, что ваши занятия с группой в течение двух месяцев не принесли никаких результатов. Мы понимаем, что за такой короткий срок вы не смогли бы совершить чуда. Нам известно, что вам пришлось работать с группой всего по два часа в день, тогда как стандартная нагрузка на эспер-кандидата составляет восемь часов в день при общей продолжительности занятий в двенадцать календарных месяцев...»

— Лучше бы мы занимались по восемнадцать часов в день, — встала Мелисса, яростно тряхнув головой.

— «Совет Конфедерации издал постановление, которое запрещает работу с вашей группой. Оно вступило в силу с двенадцатого января. Поэтому мы вынуждены свернуть программу помощи в Грин-Вэлли и просим вас прибыть в комитет не позже девятнадцатого числа текущего месяца. С уважением...» — ну и так далее. — Макс медленно сложил письмо.

Мы молчали. Это, наверное, то самое состояние, когда из-за ярости, беснующейся в душе, ты не способен вымолвить ни слова. Ведь нас еще никогда не ставили на место словом «инвалиды».

— Будем прощаться, — тихо сказал Макс. — Не хочется мне уезжать, но надо.

Мы окружили его. Макс пожал руку каждому, девчонки не удержались и стали обнимать его, а он растерянно бормотал: «Ну, что вы, право...»

Макс уехал, но мы остались группой. Одноклассники расспрашивали о наших занятиях, но мы хранили молчание: попытки прорваться в окружающий мир с помощью зрения других людей — это была уже наша тайна. Встречаясь каждый вечер в общей столовой, мы тихо, чтобы не расслышали за другими столами, спрашивали друг друга:

— Ну что, пробовал сегодня?

— Целый день Святого Алоизиуса «пытал», — вздыхал угрюмый Китон.

— Ну и как?

Он только молча отмахивался...

Первым стал я. До сих пор помню все до мелочей: контрольная по математике, последний урок среды. Молоденькая математичка, мисс Митчелл, сидит за столом и рассеянно смотрит в окно (это я так думаю, что рассеянно). Ее голова повернута к окну, правая рука подпирает подбородок. Так мне смутно видится.

Я уже решил все задачи и теперь делаю вид, что проверяю свою работу, хотя на самом деле снова и снова пытаюсь увидеть сияние, которое не видят обычные зрячие.

Потом... потом резким движением я выдергиваю кабель из разъема и ныряю в темноту, где нет даже малейшего проблеска света. Эта темнота смертельным холодом сжимает мое сердце, и я тону. Мне кажется, что эта темнота будет со мной всегда, что я никогда не увижу даже это бледное подобие солнечного света, которое нам дарят хо-

лодные линзы. И вот... наверное, как кит, всплывающий из глубины за глотком живительного воздуха, я устремляюсь к свету и делаю то самое необходимое усилие, о котором нам все время говорил Макс.

И тут — я вижу. Вижу светлое сияние. Оно похоже на водоворот света и теней. Сияющий кокон светится в темноте — как звезды на небе, как движение света в прозрачной воде, как блеск кристалликов льда под утренним солнцем. Я вижу все таким, как рассказывал Макс. Протягиваю руку, но на самом деле моя рука — это мое сознание, которое темной холодной волной устремляется в этот водоворот света, в это тепло, в этот благословенный дар — видеть. Я вхожу в это сияние и... вижу, на самом деле вижу, как светит солнце, вижу перекаты струй воды на гладких камнях, отполированных течением, и быстрые молнии стремительных стрекоз.

Вот так я стал вором в первый раз...

На следующий день мне удалось вывести нашу группу в город. Я пообещал всем сюрприз и сдержал свое обещание.

Там, на вершине самого высокого холма Ап-Майн-Хилл, мы стали на обзорной площадке, с которой открывался вид на всю долину Грин-Вэлли. И я начал говорить. Я говорил с ними без слов, так, как говорил с нами в первый свой день Макс.

Я объяснил им, что надо делать. Сказал, что для того, чтобы видеть, нужно отключить биорадар, что только тогда, когда мы тонем в темноте, у нас появляются силы, чтобы прорваться к свету. Я объяснил им все, как смог. Потом снял очки — темнота ударила меня, и я ударил ее в ответ. Затем выбрал какого-то экскурсанта, стоявшего у ограждения площадки, и нырнул в водоворот его сияния.

Перед нами открылась вся красота мира!

Горизонт широко распахнулся, в глаза ударил калейдоскоп красок. Вдали, как будто вырезанные из фиолетовой бумаги, виднелись горы, увенчанные островерхими снежными шапками. Лес, покрывавший отроги дальних холмов, спускался к городу, река бежала вдаль, как пущенная из лука стрела, а по небу плыли белые облака. И прекраснее этого не было ничего на свете...

Мои товарищи, все еще неловко озираясь, стали шумно переговариваться. Они смотрели на мир другими глазами, а я искал человека, который посмотрел бы на Мелиссу. И мне повезло. Тот человек, чьими глазами я впервые увидел Грин-Вэлли, повернулся, его рассеянный взгляд скользнул по группе подростков, державших в руках черные очки, задержался на секунду на худом нескладном парне, который опирался на перила, и на девушке с развевающимися на ветру каштановыми волосами, стоявшей рядом с ним. И тогда я понял, что смотрю на самого себя и на Мелиссу.

Человек отвернулся, и я надел очки. Мир стал серым, и я опять почувствовал себя ущербным.

— Майкл, — позвала меня Мелисса.

Я повернулся к ней и застыл: она стояла напротив меня и, кажется, держала под руку старика лет семидесяти с тростью в руках.

— Сэр! — Мелисса повернулась к старику, и я слышал, как она улыбается.

— Да, дорогая, — с готовностью отозвался он.

— Вы не могли бы посмотреть на этого молодого человека?

— Охотно, дорогая. — Старичок оперся на палку.

— Майкл, снимите очки, пожалуйста, — попросила Мелисса, и я тут же выполнил ее просьбу.

Она смотрела на меня глазами старика, я видел свое лицо со стороны, словно в зеркале, и знал, что она тоже смотрит на меня глазами старика.

— Спасибо, сэр. А теперь не могли бы вы посмотреть на меня?

— Конечно, — протянул старик несколько озадаченно. Развернулся к ней, и тут у меня перехватило дыхание.

Бог мой, какой же красивой она оказалась! Я смотрел на нее и не мог оторваться.

— Спасибо, сэр, — прошептала Мелисса и поцеловала меня. Да нет, она поцеловала старика, когда я смотрел на нее его глазами.

А потом Мелисса подошла ко мне, сняла с себя цепочку с какой-то старинной монетой и повесила мне на шею. А я снял очки и поцеловал ее. И потом мы все семеро до самого вечера стояли на обзорной площадке и радовались, что вокруг весна и в Грин-Вэлли сейчас множество туристов, желающих обозреть окрестности с вершины Ап-Майн-Хилл.

Стой поры прошло много лет. У меня и Мелиссы родились дети, они влюблялись, женились, выходили замуж, у нас появлялись внуки — время не стояло на месте. Для нас не было большего счастья, чем видеть, как они растут, радоваться жизни и смотреть на мир безмятежными, чистыми, любящими глазами наших внуков.

Я вор, и Мелисса вор, и все мы, ученики Макса, воры. Мы — воры, но нет такого закона, который смог бы нас осудить. Мы — воры, но никто не замечает, что мы воруем.

Не держите на нас обиды.